

Тарраш Зигберт

**Современная шахматная
партия: критический разбор
более 200 избранных партий
маэстро, игранных в течении
последних двадцати лет, с
обращением особого
внимания на дебюты
испанской партии и
ферзевого гамбита**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
3-59

- 3-59 **Зигберт Т.** Современная шахматная партия: критический разбор более 200 избранных партий маэстро, игранных в течении последних двадцати лет, с обращением особого внимания на дебюты испанской партии и ферзевого гамбита / Тарраш Зигберт – М.: Книга по Требованию, 2022. – 396 с.

ISBN 978-5-519-76322-6

ISBN 978-5-519-76322-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

далек от мысли составить систематический учебник дебютов. Этот гигантский труд я намереваюсь начать, если предлагаемая книга встретит такое же дружеское признание и прием, каким меня раньше в подобных случаях баловал шахматный мир.

Д-р Тарраш. •

Нюрнберг, декабрь 1912 г.

Предисловие ко второму изданию.

Эта книга встретила в шахматном мире блестящий прием, которым я горжусь: первое издание разошлось в течение почти полутора лет, и уже давно назрела потребность во втором, но этому помешала мировая война.

Тщательно просматривая книгу, я нашел в ней очень и очень мало ошибок,—в общем две, или три. Теоретические достижения последних трех лет везде мною внесены дополнительно, так что книга опять является выразителем современной точки зрения в учении о дебютах.

Д-р Тарраш.

Мюнхен, май 1916.

Предисловие к четвертому изданию.

Это издание модернизировано и дополнено несколькими новыми партиями.

Д-р Тарраш.

Мюнхен, ноябрь 1923.

Доктор Зигберт Тарраш.

Критико-биографический очерк Н. И. Грекова.

В течение последних сорока лет одной из самых ярких фигур среди деятелей на поприще шахматного искусства является доктор Зигберт Тарраш. Неутомимый участник бесчисленного количества международных турниров и блестящий победитель семи из них, в течение 20-ти лет достойный претендент на звание чемпиона мира, выдающийся шахматный мыслитель, глубокий и оригинальный теоретик, автор многих замечательных сочинений и, наконец, сильная своеобразная индивидуальность—вот лишь самые краткие штрихи, характеризующие монументальный образ великого шахматиста. Сам Тарраш, не впадая в преувеличение, говорит (в предисл. к 2-му изд. своей книги „300 Schachpartien“), что целый ряд выдающихся шахматистов современности развился под его прямым влиянием. „Praeceptor Germaniae“ единодушно называли его немецкие авторы.

Познакомимся же ближе с шахматным развитием Тарраша, значением его в истории шахматного искусства, его заслугами. Богатые автобиографические материалы для первого периода его жизни (1862—1894) мы находим в его книге „300 Schachpartien“. Вот что рассказывает о себе сам Тарраш: „Я родился 5 марта 1862 г. в Бреславле, родном городе Андерсена, откуда произошли такие мастера, как Гаррвиц, Риман, Шоттлэндер, где развернулся шахматный талант Цукерторта. 4-х лет я научился читать и писать, а 6-ти лет я уже читал все книги отцовской

библиотеки, какие только попадались мне в руки, и не без понимания. Я ходил в Елизаветинскую гимназию, где учился также Андерсен. До сих пор с чувством удовлетворения вспоминаю я восхищение своего учителя приготовительного класса, когда я в первый раз стал читать—не с трудом по складам, как мои сотоварищи, а бегло и осмысленно. Меньше склонности и таланта было у меня вначале к арифметике, и даже позднее, когда я подрос, мне не раз приходилось выслушивать от матери упреки, что я не умею считать. По другим предметам, особенно по древним языкам, я почти всегда был первым. Несмотря на это, мои преподаватели отнюдь не были мною очень довольны. Причиной этому было принципиальное разногласие: я был убежденным противником домашних работ, вред которых теперь является общепризнанным; моим идеалом, который я постоянно пытался проводить в жизнь, был пяти или, самое большее, шестичасовой рабочий день. Однако, я со своими убеждениями оставался почти одиноким, так как в то время о „перегрузке учащихся“, к сожалению, еще не говорили, и преподаватели реагировали на мои практические шаги в области школьной реформы лишь тем, что называли меня лентяем. Однако, внимательностью во время занятий и успехами я примирял с собой преподавателей и переходил из класса в класс. Многочисленные свободные часы я охотнее всего посвящал чтению, к сожалению, бессистемному, так как читал все, что попадалось мне в руки.

Шахматами я интересовался в возрасте 15-ти лет. Правда, и раньше под руководством одного из друзей я совершал фантастические путешествия по шестидесяти четырем полям, однако, началом своей шахматной карьеры я считаю тот момент, когда один из приятелей сделал мне неожиданное сообщение, что по шахматной игре есть книги, и дал мне одну из них. Это открыло передо мной новый мир. Чарующая красота нашего прекрасного искусства увлекла меня с неотразимой силой, и я с одушевлением отдался изучению его. Я делал те быстрые успехи, которые

должен делать каждый, хотя бы посредственно одаренный, молодой человек, когда книги раскроют перед ним прекрасные тайны шахматной игры. Мой энтузиазм разделяли и мои товарищи, и скоро пол-класса играло в шахматы и при том не плохо. Однажды, мы впятером предприняли набег на кондитерскую Фишера и Буша на Королевской площади, где каждый вечер кипела шахматная жизнь. Почтительно и скромно мы следили за одной партией, когда вдруг один из посетителей предложил мне сыграть партию. Какое волнение охватило наши юные сердца! Как выдержи испытание я, считающийся сильнейшим среди сотоварищей? Однако, я без усилий выиграл несколько партий. Велико было среди нас ликование по случаю моей победы! Мы стали постоянно посещать эту кондитерскую. Мы быстро убедились, что превосходим тамошних шахматистов. Лишь Маннгеймеру и фон-Шеве (позднее известному маэстро), который содействовал моему шахматному развитию в особенности тем, что снабжал меня шахматной литературой, первое время я уступал. Силы мои быстро росли, и скоро я стал одним из лучших шахматистов Бреславля. Я был равной силы с Шоттлэндером, знаменитым учеником Андерсена; обычно мы играли с ним по три партии, из которых с удивительным постоянством каждый выигрывал по одной при одной ничьей. Только Риману, который тогда по справедливости считался настоящим маэстро, я уступал. Самого Андерсена я видел один единственный раз и благоговейно взирал на него, оставаясь в почтительном отдалении.

Весной 1880 г. я выдержал выпускные экзамены так блестяще, как этого не было в нашей гимназии в течение десятков лет. За немецкое и латинское сочинения и за работу по математике я получил отметки „превосходно“; мое немецкое сочинение на тему: „Значение Лессинга в истории театра“ было признано достойным печати“.

Окончанием гимназии закончился бреславльский период жизни Тарраша. В том же году он поступил в берлинский университет для изучения медицины.

Однако, увлечение шахматами неблагоприятно влияло на его работы в этой области. „Дни и ночи играл я в шахматы—пишет он сам;—я жил только для шахмат и шахматами“. Первое его выступление в серьезном состязании (на побочном турнире А во время 2-го Конгресса Общегерманского Шахматного Союза в Берлине в 1881 г.) было неудачно: турнир был групповой, и Тарраш не попал даже в группу победителей, но и это не охладило его увлечения шахматами, которым он посвящал все больше и больше времени. И вот, решив, что интенсивная, захватывающе интересная шахматная жизнь Берлина слишком отвлекает его от университетских работ, Тарраш осенью 1882 г. перевелся в университет в Галле.

Ближайшее выступление Тарраша на шахматном поприще было удачно: на побочном турнире во время 3-го Конгресса Общегерм. Шахматного Союза в Нюрнберге в 1883 г. он взял 1-й приз и получил звание маэстро. Во время следующего конгресса, в Гамбурге в 1885 г., Тарраш уже участвует в турнире маэстро и достигает прекрасного результата: оставшись только позади Гунсберга, делит 2—6 призы с выдающимися мастерами того времени Блэкберном, Вейсом, Мэзоном и Энглишем. Игра его обратила на себя внимание. Чемпион мира Стейниц писал в „Internationale Chess Magazine“: „Нет сомнений, что Тарраш—восходящее светило, которое вскоре, вероятно, достигнет первой величины. Он отличается исключительно комбинационной силой, хотя его позиционная игра еще недостаточно зрела“.

Вскоре вошла в прочное русло внешняя сторона жизни Тарраша. Он окончил университет, женился и навсегда поселился в Нюрнберге, где занялся врачебной практикой.

В течение ближайших лет шахматная сила Тарраша достигла полного развития. На международном турнире в Бреславле 1889 г. он взял первый приз, не проиграв при том ни одной партии.

Чрезвычайно интересно рассказывает Тарраш о появившемся теперь у него новом отношении к игре:

„С совершенно иными идеями, чем раньше, приступал я к борьбе. Во время предыдущих турниров я садился за доску с убеждением, что партия для меня выиграна. Теперь же перед каждой партией я безуданно повторял себе, что если я изберу хорошее, солидное начало и если буду играть старательно с напряжением всех своих сил, то противник ни в коем случае не должен у меня выиграть. Прежде я недооценивал своих противников, теперь же я склонен был их переоценивать. Если раньше к исходу партии в ничью я относился с презрением, то теперь для меня было ясно, что если я все время буду делать наисильнейшие ходы, буду играть прямо-таки идеально, то все это отнюдь еще не должно иметь следствием выигрыш мною партии, а даст только ничью, если мой противник не сделает ошибки, и что при правильной игре с обеих сторон ничья неизбежна“.

Первые призы взял Тарраш и на трех следующих международных турнирах (Манчестер 1890, Дрезден 1892 и Лейпциг 1894). После победы в Манчестере Тарраш получил от гаваннского шахматного клуба приглашение сыграть матч с чемпионом мира Стейнницем в Гаванне зимой 1890—91 г.г. Однако, невозможность оставить на продолжительное время свою врачебную практику заставила Тарраша отказаться от заманчивой борьбы за мировое первенство. Нового подобного случая ему пришлось ждать почти 20 лет...

Это время, когда Тарраш взял первые призы на четырех международных турнирах подряд, было кульминационным пунктом его практических достижений. Им не были превзойдены только Стейнниц и Чигорин; матч последнего с Таррашем в 1893 г. в Петербурге окончился в ничью. Хотя своими успехами и на последующих турнирах Тарраш прочно подтвердил свою репутацию одного, из наисильнейших шахматистов мира, однако, теперь выдающиеся места на шахматном Олимпе занимают и новые блестящие мастера. В 1894 г. двадцатилетний Ласкер победил в матче стареющего Стейнница и завоевал звание чемпиона мира. В следующем году в Гастингсе состоялся

выдающийся в истории шахматного искусства большой международный турнир, к участию в котором удалось привлечь четырех славнейших шахматистов того времени: чемпиона мира Ласкера, экс-чемпиона Стейница, с честью боровшегося за мировое первенство Чигорина и первого победителя четырех последних международных турниров Тарраша. Хотя, согласно всеобщему ожиданию, борьба за первые места должна была происходить только между этими четырьмя матадорами, однако, 1-й приз неожиданно для всех взял молодой гениальный американец Пильсбери, вторым был Чигорин, третьим Ласкер, Таррашу достался лишь четвертый приз (впереди Стейница, занявшего пятое место). Новым блестящим триумфом Тарраша был большой международный турнир в Вене в 1898 г., на котором, за исключением Ласкера, участвовали почти все сильнейшие шахматисты своего времени; Тарраш взял 1-й приз, победив в решительном матче Пильсбери. Первые же призы взял Тарраш на международных турнирах в Монте-Карло (1903) и в Остенде (1907). В 1905 г. Тарраш с блестящим результатом выиграл матч у знаменитого чемпиона Америки Маршалля: $+8, -1, =8$.

После того, как Ласкер победил Стейница в матче за мировое первенство, Тарраш настойчиво искал случая померяться силами с новым чемпионом мира. Матч между двумя великими шахматистами состоялся лишь в 1908 г. и окончился победой Ласкера ($\neq 8, -3, =5$). Несмотря на появление на шахматной арене целого ряда новых блестящих представителей шахматного искусства, Тарраш, неутомимо выступающий на турнирах и до наших дней, даже за последние годы нередко достигает прекрасных результатов, напр., на большом международном турнире в Вене в 1922 г. он делит 4—6 призы с Алехиным и Мароци, и на каждом турнире неизменно дает превосходные партии.

По своим взглядам на шахматное искусство, а также по стилю своей игры, Тарраш является представителем позиционной игры, так называемой, «новой школы», основателем которой был Стейниц.

До Стейница главная роль в шахматах отводилась комбинации. Остроумная комбинация и смелая атака обычно считались наиболее важным в игре. Игра была эмпирической. Применение научных методов, которые теперь играют в шахматах такую большую роль, тогда почти отсутствовало. На первом плане были элементы искусства и спорта. Рост интереса к шахматному искусству и большое распространение его повели к углублению теории шахматной игры и к систематизации данных опыта; к шахматной игре начинают применяться научные методы. Этот период — семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века — был торжеством теории эволюции во всех областях человеческого знания. Шахматное искусство тесно связано с другими областями человеческой культуры, и теория эволюции, это величайшее достижение XIX века, не могла не найти применения и в шахматах. На место прошлой веры во всемогущество комбинации, которая, являясь как *deus ex machina*, решает судьбы партии, приходит новое ученье, согласно которому партия есть медленно, постепенно развертывающаяся борьба, в которой, при правильной игре, не может быть ничего случайного или неожиданного; возможность же победоносной комбинации может быть лишь следствием плохой постановки партии противником. Уже игра Морфи (вопреки существующему мнению, что главное у него — гениальные комбинации) была в известном смысле слова позиционной; однако, Морфи сделал лишь первые шаги, — установил важность быстрого развития всех фигур и указал на огромную роль открытых линий, что конечно тоже было прогрессом по отношению к прежней чисто комбинационной игре. Основателем „новой школы“, теоретиком позиционной игры является Стейниц.

Основные принципы его — создание прочного положения и медлительное, последовательное развитие и на ряду с этим методичное использование слабостей — хотя бы и ничтожнейших — в позиции противника. Однако, Стейницу сильно вредил догматизм и крайности, в которые он не редко впадал. Завершенность

позиционная игра получает у последователей Стейница, и одним из самых крупных и наиболее ярких является Тарраш.

Тарраш отказался от излишней осторожности Стейница, который, стремясь к созданию прочного положения, играл обычно на защиту. Всегда агрессивный, Тарраш своими партиями блестяще доказал, что можно создать прочное положение и при активной игре. Далее, отбросив многие нездоровые вычурности и крайности Стейница в дебютах, Тарраш умел в своих партиях органически связать дебютную стадию с серединой игры; напр., Стейниц при разыгрывании дебюта старался учесть выгоды расположения фигур для эндшпиля; Тарраш указал на нежизненность этого афоризмом, ставшим классическим: „Между дебютом и эндшпилем боги установили *Mittelspiel*“... Если прибавить к этому несравненное искусство Тарраша в накоплении и использовании мелких преимуществ, то получится та типичная „позиционная“ игра, которая постепенно заняла господствующее место в игре лучших представителей шахматного искусства. Таррашу же в значительной мере обязана общим признанием ставшая теперь аксиомой истина, что, если не сделано ошибки, то партия не может быть проиграна. По путям, проложенным Стейницем и Таррашем, пошли почти все мастера ближайшего поколения.

Значение Тарраша для шахматного искусства становится особенно крупным вследствие того, что он не только шахматист-практик, но и автор бесчисленного количества шахматных литературных работ. Выдающийся комментатор, глубокий теоретик и остроумный журналист, он этим путем чрезвычайно много сделал для углубления понимания шахматного искусства, и всякая его работа — книга, заметка или прокомментированная им партия — привлекала к себе общее внимание шахматного мира.

Первым его крупным трудом была книга: „*Dreihundert Schachpartien*“, заключающая 300 избранных партий автора (сыгранных до 1894 г.), которая была восторженно встречена шахматным миром; теперь

несколько устаревшая, в свое время она была несомненно одной из самых ценных. В 1909 г. эта книга вышла вторым изданием.

Далее следует ряд сборников партий международных турниров, прокомментированных Таррашем: Нюрнберг 1896 (в 1922 г. вышло 2-е издание), Нюрнберг 1906, Остендэ 1907, Петербург 1914, а также сборники партий матчей Тарраш — Маршалль 1905, Ласкер — Маршалль 1907, Ласкер — Тарраш 1908, Тарраш — Шлехтер 1911 и Тарраш — Мизес 1916. Глубокий разбор партий, а также ценность анализа теоретической части партий делают эти сборники особенно ценными в ряду книг, посвященных различным состязаниям.

Всеобщее внимание привлекли также две теоретические работы Тарраша: „Der gegenwärtige Stand der wichtigsten Eröffnungen“ (1920) и „Die Verteidigung des Damengambits“ (1924); последняя переведена на русский язык.

Лучшей из работ Тарраша является сборник партий новейшего времени (игранных после 1903 г.), вышедший первым изданием в 1912 г. под названием „Die moderne Schachpartie“. Здесь на примерах тщательно подобранных партий из практики выдающихся шахматистов в полном блеске выявляется, как Тарраш-теоретик, так и Тарраш-комментатор.

Идея книги — дать характернейшие образцы современной партии и одновременно — курс теории дебютов; особенно подробно затронуты испанская партия и дебют ферзевых пешек.

Как было отмечено выше, впервые Тарраш выступил в качестве приверженца школы „позиционной“ игры; „Die moderne Schachpartie“ отражает эволюцию, которую пережил автор: будучи в молодости ригористичным последователем „позиционной“ игры, Тарраш с течением времени умеет воспринимать все то здоровое, что дают новые достижения в шахматном искусстве. К нему особенно применим афоризм Тейхмана: „Нет ни старой, ни новой школы, а есть хорошая и плохая игра“. И Тарраш умеет научить хорошей игре!.. В этом тайна обаяния его